

Метерлинк Морис

Полное собрание сочинений

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М79

М79 **Морис М.**
Полное собрание сочинений: Том 5 / Метерлинк Морис – М.: Книга по Требованию, 2024. – 315 с.

ISBN 978-5-519-96328-2

ISBN 978-5-519-96328-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАЗУМЪ ЦВѢТОВЪ.

РАЗУМЪ ЦВѢТОВЪ.

I.

Я хочу просто напомнить здѣсь нѣсколько фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ ботаникамъ. Я не сдѣлалъ никакого открытія, и мой скромный вкладъ сводится къ нѣсколькимъ элементарнымъ наблюденіямъ. Понятно, что я не имѣю намѣренія пересмотрѣть всѣ доказательства разума, которыя даютъ намъ растенія. Эти доказательства безчисленны, постоянны, въ особенности у цвѣтовъ, гдѣ усилія растительной жизни сосредоточиваются въ стремленіи къ свѣту и духу.

Если и встрѣчаются незадачливыя и неловкія растенія и цвѣты, то отсюда не слѣдуетъ, что они совершенно лишены мудрости и изобрѣтательности. Всѣ ревностно стремятся свершить свое дѣло; у всѣхъ великолѣпная самолюбивая мечта наполнить и завоевать поверхность земного шара, умножая на ней до безконечности тотъ видъ существованія, который они собою представляютъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, имъ приходится, вслѣдствіе закона, прикрѣпляющаго ихъ къ почвѣ, преодолевать большія трудности, чѣмъ тѣ, которыя препятствуютъ размноженію животныхъ. Поэтому большинство изъ нихъ прибѣгаетъ къ хитростямъ, къ комбинаціямъ, къ приспособленіямъ, къ западнямъ, которыя, въ смыслѣ механики, баллистики, передвиженія, наблюденій, хотя бы напимѣръ, надъ насѣкомыми, часто представляли изобрѣтеніямъ и познаніямъ людей.

II.

Было бы излишнимъ повторять здѣсь картину великихъ системъ растительнаго оплодотворенія: механизмъ тычинокъ и пестика, соблазнъ запаховъ, призывъ гармоническихъ и яркихъ красокъ, выработку нектара, безусловно бесполезнаго для самого растенія, и приготовляемаго только для того, чтобы привлечь и задержать чуждаго освободителя, вѣстника любви, бабочку, шмеля, пчелу, ночную бабочку, которыя должны передать поцѣлуй далекаго возлюбленнаго невидимаго, неподвижнаго...

Этотъ растительный міръ, который кажется намъ такимъ спокойнымъ, такимъ покорнымъ, гдѣ все — пріятіе, молчаніе, повиновеніе, на самомъ дѣлѣ есть міръ, гдѣ возмущеніе противъ судьбы самое сильное и самое упорное. Существенный органъ растенія, питающій органъ его, его корень, приковываетъ его нерасторжимо къ почвѣ. Если для насъ бываетъ трудно открыть среди обременяющихъ насъ законовъ тотъ, который съ наибольшей тяжестью давитъ на наши плечи—то для растений въ этомъ отношеніи сомнѣній не существуетъ: это тотъ законъ, который осуждаетъ ихъ на неподвижность со дня рожденія ихъ и до самой смерти. Имъ гораздо лучше, чѣмъ намъ, разсѣивающимъ свои силы, извѣстно, противъ чего возставать въ первую очередь. И сила ихъ главнаго побужденія, подымающагося изъ мрака корней, чтобы сосредоточиться и разцвѣсти въ блескѣ цвѣтка, представляетъ собой несравненное зрѣлище. Оно цѣликомъ выражается въ одномъ стремленіи: избѣжать наверху роковой неподвижности низинъ, обойти и перешагнуть черезъ тяжелый и мрачный законъ, освободиться, расторгнуть узкій кругъ, изобрѣсть или вызвать крылья, уйти возможно дальше, побѣдить пространство, въ которомъ оно замкнуто судьбой, приблизиться къ другому царству, проникнуть въ движущійся и одушевленный міръ... И, если оно достигаетъ этого, не является ли это столь же удивительнымъ,

какъ, еслибы намъ удалось жить внѣ времени, назначеннаго намъ иною судьбою, или проникнуть въ міръ, освобожденный отъ наиболѣе тяжкихъ законовъ матеріи? Мы увидимъ, что цвѣтокъ дастъ чѣловѣку героическій примѣръ неповиновенія, отваги, упорства и изобрѣтательности. Если бы мы приложили половину той энергіи, которую развилъ маленькій цвѣтокъ нашего сада для того, чтобы освободиться отъ различныхъ давящихъ насъ неизбѣжностей, какъ, на примѣръ: страданія, старости и смерти, то должно вѣрить, что наша судьба была бы весьма отличной отъ того, что она представляетъ изъ себя теперь.

III.

Эта потребность въ движеніи, эта жажда пространства у многихъ растений проявляется въ равной мѣрѣ въ цвѣткѣ и въ плодѣ. Ее легко объяснить въ плодѣ; или во всякомъ случаѣ она представляетъ собою только опытъ и менѣе сложную заботливость. Въ противоположность тому, что имѣетъ мѣсто въ животномъ царствѣ, и вслѣдствіе жестокаго закона абсолютной неподвижности—первымъ и худшимъ врагомъ сѣмени является родительскій стволъ. Мы находимся здѣсь въ странномъ мірѣ, гдѣ родители, неспособныя перемѣщаться, знаютъ, что они осуждены умерить голодомъ или задушить свои отпрыски; всякое сѣмя, падающее къ подножію дерева или растенія, погибло или будетъ прозябать въ нуждѣ. Отсюда—огромное усиліе свергнуть иго и побѣдить пространство. Отсюда—удивительныя системы обсѣмененія, передвиженія, которыя мы находимъ повсюду въ лѣсу и въ полѣ; между прочимъ, чтобы назвать мимоходомъ только нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ: воздушный винтъ клена, прицвѣтники липы, воздухоплавательный снарядъ чертополоха, одуванчика, козельца, разрывныя коробочки молочаевъ, необычныя приспособленія ослинаго огурца, волокнистыя прицѣпки пушицы; и тысяча другихъ неожиданныхъ и поразительныхъ механизмовъ, ибо нѣтъ, такъ сказать, ни одного сѣмени, которое не изобрѣло

бы какого-нибудь вполне своеобразнаго способа, чтобы избѣ-
жать материнской тѣни. Не повѣришь, дѣйствительно, если не
занимался немного ботаникой, сколько затрачивается воображе-
нія и ума во всей этой зелени, радующей наши взоры. Посмо-
трите, напримѣръ, на красивую сѣменную коробочку курслѣп-
ника, на пять створокъ бальзамина, на пять спускающихся ко-
робочекъ герани и т. д. Не забудьте рассмотреть при случаѣ
обыкновенную маковую головку, которая продается у любого
бакалейщика. Есть въ этой доброй толстой головкѣ осторож-
ность и предусмотрительность, достойная самыхъ большихъ по-
хвалъ. Извѣстно, что она заключаетъ въ себѣ тысячи малень-
кихъ черныхъ сѣмянъ, крайне мелкихъ. Надо разсѣять эти сѣ-
мена насколько возможно удобнѣй и дальше. Если бы коро-
бочка, содержащая ихъ, лопнула, упала или открывалась бы
снизу,—драгоценная черная пыль образовала бы бесполезную
кучку у подножья стебля. Но она можетъ выйти наружу
только черезъ отверстія, проколотыя наверху оболочки. Головка
созрѣвъ нагибается на своей плодоножкѣ, «кадитъ» при малѣй-
шемъ вѣтеркѣ и буквально разсѣваетъ, даже съ движеніями
сѣятеля, сѣмена въ пространствѣ.

Говорить ли мнѣ о сѣменахъ, которыя предусматриваютъ
свое разсѣменение черезъ посредство птицъ, и чтобы соблазнить
ихъ—скрываются въ сладкой оболочкѣ, какъ птичій клей, може-
вельникъ, рябина и т. д.? Въ этомъ таится такая обдуманность,
такая согласованность конечныхъ цѣлей, что боишься настаи-
вать на этой цѣлесообразности изъ опасенія повторить наивныя
заблужденія Бернардена де Сенъ-Пьера.

Между тѣмъ факты не объясняются иначе. Сладкая оболочка
столь же бесполезна для сѣмени, какъ нектаръ, притягивающій
пчелъ,—для цвѣтка. Птица пожираетъ плодъ, потому что онъ
сладокъ, и проглатываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сѣмя, которое непере-
варимо. Птица улетаетъ и чрезъ нѣкоторое время извергаетъ сѣмя
такимъ, какимъ получила его, освобожденнымъ отъ оболочки
и готовымъ дать ростокъ вдали отъ опасности роднаго мѣста.

IV.

Но вернемся къ болѣе простымъ сочетаніямъ. Сорвите на краю дороги, на первой попавшейся лужайкѣ какую-нибудь травку, и вы застанете за работой маленькій умъ, независимый, неустойчивый, неожиданный. Вотъ, два бѣдныхъ ползучихъ растенія, которыя вы тысячи разъ встрѣчали на вашихъ прогулкахъ, потому что ихъ можно найти повсюду и даже въ самыхъ неблагоприятныхъ закоулкахъ, куда занесло щепотку земли. Это двѣ разновидности изъ семейства люцернъ, двѣ сорныхъ травы въ самомъ скромномъ смыслѣ этого слова. Одна имѣетъ красноватый цвѣтокъ, другая—желтую кисточку величиной съ горошину.

Когда видишь, какъ онѣ стелятся и скрываются въ травѣ, среди горделивыхъ злаковъ, низачто не подумаешь, что онѣ, задолго до знаменитаго сиракузскаго геометра и физика, открыли и пытались примѣнить, не для подъема жидкостей, а для передвиженія, удивительныя свойства Архимедова винта. Онѣ располагаютъ свои сѣмена въ легкихъ спираляхъ въ три или четыре обращенія, удивительно построенныхъ, рассчитанныхъ въ равной мѣрѣ и на замедленіе паденія и, слѣдовательно на продленіе при помощи вѣтра ихъ воздушнаго путешествія. Одна изъ нихъ, желтая, даже усовершенствовала аппаратъ красной, снабдивъ края спирали двойнымъ рядомъ острій, въ явномъ стремленіи прицѣпить ее къ одеждамъ гуляющихъ или шерсти животныхъ. Ясно, что она надѣется прибавить еще преимуществъ эріофилии, т.-е. разсѣмененія при помощи овецъ, козъ, кроликовъ и т. п., къ свойствамъ анемофилии, т.-е. разсѣмененія при посредствѣ вѣтра.

Самое трогательное во всѣхъ этихъ усиліяхъ—это ихъ бесполезность. Бѣдные красныя и желтыя люцерны ошиблись. Ихъ удивительный винтъ не служитъ имъ ни для чего. Онъ могъ бы дѣйствовать, только падая съ извѣстной высоты, съ

вершины высокаго дерева или горделиваго злака; но, расположенный на уровнѣ травы, едва сдѣлаетъ онъ четверть оборота, какъ уже лежитъ на землѣ. Мы имѣемъ здѣсь любопытный примѣръ заблужденія, ошупи, опытовъ и маленькихъ ошибокъ въ расчетѣ, довольно частыхъ въ природѣ: ибо должно совсѣмъ не знать ее, чтобы утверждать, что природа никогда не ошибается.

Замѣтимъ, мимоходомъ, что другія разновидности люцерны, не говоря о трилистникѣ, другой бобовой разновидности, почти совпадающей съ той, которой мы заняты сейчасъ,—не приняли этихъ аппаратовъ передвиженія, и придерживаются первобытной системы стручка. У одной изъ нихъ, *Medicago aurantica*, явно улавливается переходъ отъ стручка къ Архимедову винту. Другая разновидность, *Medicago scutellata*, закругляетъ этотъ винтъ въ видѣ шара, и т. д. Кажется, что мы присутствуемъ при захватывающемъ зрѣлищѣ вида, занятаго работой изобрѣтенія, при попыткахъ семейства, еще не установившаго своей судьбы и ищущаго лучшаго способа обезпечить будущее. Не во время ли этихъ изысканій желтая люцерна, будучи обманута спиралью, прибавила къ ней остріе или прищѣпки, говоря себѣ, не безъ основанія, что такъ какъ листья ея привлекають овецъ, то неизбѣжно и справедливо, чтобы послѣднія и озаботились ея размноженіемъ? И не вслѣдствіе ли этого новаго усилія и этой удачной мысли люцерна съ желтыми цвѣтами распространена куда больше, чѣмъ ея простая родственница, несущая красные цвѣты?

V.

Не только въ сѣмени или цвѣткѣ, но и въ цѣломъ растеніи, въ стебляхъ, листьяхъ, корняхъ, открываешь, если захочешь склониться на минуту надъ ихъ скромной работой, нѣкоторые слѣды просвѣщеннаго и живого разума. Припомните великолѣпное стремленіе вѣтвей къ свѣту или изобрѣтательную и

отважную борьбу деревьевъ въ опасности. Что касается меня, я никогда не забуду удивительнаго примѣра героизма, даннаго мнѣ однажды въ Провансѣ, въ дикихъ и великолѣпныхъ, благоухающихъ фіалками, ущельяхъ Лу,—огромнымъ вѣковымъ лавровымъ деревомъ. Можно было легко прочесть на его измученномъ и, такъ сказать, конвульсивномъ стволѣ всю драму его упорной и трудной жизни. Птица или вѣтеръ, хозяева судьбы, занесли сѣмя на отвѣсъ скалы, обрушивающейся, какъ желѣзный занавѣсъ; и дерево родилось тамъ въ двухстахъ метрахъ надъ потокомъ, неприступное и одинокое, между скаленными и бесплодными камнями. Съ первыхъ часовъ оно выслало слѣпые корни на долгіе и трудные поиски скудной влаги и земли. Но это была только унаслѣдованная забота вида, знающаго безводность юга. Молодому стеблю пришлось разрѣшить болѣе важную и неожиданную задачу: онъ исходилъ изъ вертикальной плоскости, такъ что чело его вмѣсто того, чтобы подыматься къ небу, наклонялось надъ бездной. Нужно было, не взирая на растущее бремя вѣтвей, выпрямить первый подъемъ, опереться настойчиво въ упоръ скалы искривленнымъ стволомъ и поддерживать, такимъ образомъ,—какъ пловецъ, запрокидывающій голову,—непрестанно напряженной волей, прямо въ лазурь, тяжелый вѣнецъ листвы.

И вотъ, вокругъ этого жизненнаго узла сосредоточились всѣ стремленія, вся энергія, весь сознательный и свободный геній растенія. Огромный, гипертрофическій локоть являлъ послѣдовательную смѣну тревогъ какой-то мысли, умѣвшей пользоваться предупрежденіями, даваемыми дождями и бурями. Изъ году въ годъ увеличивалась тяжесть купола листвы, не имѣющаго иной заботы, какъ шириться въ свѣтѣ и теплѣ, въ то время какъ мрачное дупло подтачивало трагическую руку, поддерживающую его въ пространствѣ. Тогда, повинувшись невѣдомому велѣнію инстинкта, два прочныхъ корня, два лохматыхъ каната, вышедшіе изъ ствола на два фута выше изгиба, прикрѣпили его къ гранитной стѣнѣ. Были ли они дѣйствительно

вызваны отчаяніемъ, или же, быть можетъ, предвидящіе съ первыхъ дней, они ждали часа крайней опасности, чтобы удвоить свою помощь? Или это было только счастливой случайностью? Какой человѣческій глазъ будетъ когда-либо присутствовать при этихъ нѣмымъ драмахъ, слишкомъ продолжительныхъ для нашей маленькой жизни? *).

VI.

Среди растеній, дающихъ самыя поразительныя доказательства инициативы, растенія, которыя можно было бы назвать одушевленными или чувствительными, имѣютъ право на подробное изученіе: Я удовольствуюсь припомнить восхитительную пугливость мимозы, которая всѣмъ извѣстна. Другія растенія съ произвольными движеніями менѣе извѣстны; *Hedysariae*, изъ которыхъ *Hedysarum gyrans* движется очень удивительнымъ образомъ. Это маленькое бобовое растеніе, родомъ изъ Бенгаліи, но часто взращиваемое въ нашихъ оранжереяхъ, исполняетъ нѣчто вродѣ постоянной и замысловатой пляски въ честь свѣта. Его листья раздѣляются на три лопасти, одна широкая основная и двѣ другихъ узкія и отходящія отъ основанія первой. Каждая изъ этихъ лопастей имѣетъ собственное и отличное отъ другихъ движеніе. Онѣ живутъ въ ритмическомъ волненіи, почти хронометрическомъ и непрерывномъ. Онѣ въ такой мѣрѣ чувствительны къ свѣту, что ихъ пляска замедляется или ускоряется въ зависимости отъ того, заволакиваютъ

*) Сравнимъ съ этимъ примѣръ разумности другого корня, подвиги котораго Брандисъ (*Ueber Leben und Polaritaet*) приводитъ намъ. Этотъ корень встрѣтилъ, углубляясь въ землю, старую подошву сапога; чтобы преодолѣть это препятствіе, которое онъ встрѣтилъ, очевидно, первый въ своемъ видѣ, онъ раздѣлился на столько частей, сколько было отверстій, оставшихся отъ шва; затѣмъ, преодолевъ препятствіе, онъ вновь соединилъ всѣ эти раздѣлившіея корешки такимъ образомъ, что получилось единственное и своеобразное верстено.